

Марина Шевченко

ЛИСА
рассказы

Марина Шевченко

Лиса. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33169639

ISBN 9785449081346

Аннотация

История трех героинь из трех поколений одной семьи с фантазмагорическими элементами. Она повествует о любви и принятии тебя близкими людьми и самим собой.

Содержание

Лиса. 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лиса Рассказы

Марина Шевченко

© Марина Шевченко, 2018

ISBN 978-5-4490-8134-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лиса. 1

Солдаты и беженцы сквозными потоками через все страну возвращались к своим домам. В Тимофеевку также вернулись люди. После последнего отхода неприятеля деревня пустовала: кто не успел уйти к партизанам, были угнаны в лагерь. Но теперь она ожила: заскрипели цепи колодцев, повалил дым из печных труб.

Когда в Тимофеевку вернулись первые старожилы, Наталья уже обжила избу, стоящую на краю деревни у леса. Последняя хозяйка умерла за несколько лет до войны. Наталья представилась ее дальней родственницей, потерявшей всех родных. Молодая девушка, самостоятельная и деятельная, невысокая, ладно скроенная, с пушистыми светло рыжими косами не понравилась местным женщинам. Мужчин с войны вернулось мало. Многие матери похоронили детей, умерших от голода и болезней. Женщины, вынужденные выживать кто как может, озлобились, очерствели, многие отцве-

ли безвозвратно. А тут красота молодости, которая вызывала глухую зависть.

Молодые мужчины и парни окружили вокруг двора Натальи, но отстали, столкнувшись с холодным приемом девушки. Только и сошлась она в общении с молодым кузнецом. Выделила его среди других мужчин. При обращении к нему голос был ласковее и приветливее, глаза светло медовые излучали мягкий свет. Где другому скажет коротко «здравствуйте» или «до свидания» и уже далее спешит, для Матвея всегда найдет доброе слово. Иногда долго говорят о хозяйстве, о прошедшем дожде во вторник, о том, что под напором ветра упал старый сарай у Сергеевны. И все так спокойно, деловито, без бойких и озорных шуток или намеков. Вот только, когда глядят на Матвея эти теплые медовые глаза, скользят медленно ото лба и упрямого чуба, останавливаются на все еще красном тонком рубце, идущем от края брови на левую скулу и далее по слегка небритой щеке, кажется ему, будто кто прикоснулся теплой ладонью и мягко погладил.

Мужики хмурились и удивленно вскидывали брови: «Как ты с ней язык находишь? Ишь, какая колючка!» А на его миролюбивые слова: " Ну что вы! Хорошая девушка, хозяйственная.» – смеялись: «Хорошая и хозяйственная. Только как ты подход то к ней нашел?»

Матвей не спорил, только один раз и ответил: " Может я рук не распускаю? И пузырь самогона не требую за то, что

дверь поправил? Откуда у них самогон?» И перевел взгляд на известного буяна и задиру Степана Кучеренко.

Парня недавно женили, а он все равно поглядывал на незамужних девчонок. Мужики расхохотались и уже до-нимали Степана. Не хорошо было приставать к девушкам, да и требовать с женщин плату за посильную в хозяйстве помощь. Каждая и сама старалась, что могла поставить на стол и угостить помощника. Только мало чего было у населения в это тяжелое послевоенное время. Иногда разделишь последний кусок хлеба или десяток вареных картофелин между домочадцами и не знаешь, что тебе пошлет день следующий. Конечно, делились между семьями и с огородов не вылезали согнув спины, но в последнее время стаи диких зверей и одичавших собак нападали на опоздавших путников или разоряли нехитрое хозяйство, которое и так было у населения не многочисленно. Местные мальчишки утверждали, что не раз видели лис и у дома Натальи, а может это была одна и та же. Не смотря на это, с других дворов пропадали куры, а ее двор зверье обходило стороной. Странно это было для местных баб. Чужая и как замороженная. Одна, а справляется со всем без подмоги. Да и парни молодые смеются между собой над Натальей, а сами, если за хворостом или поохотиться собираются, то все мимо ее избы идут. Лес хоть в ту, хоть в другую сторону, а им именно в этот надо, что за ее двором начинается.

Матвей, уже жалел, что не переждал непогоду в Усоевке. На попутной телеге он отвозил заказ и договорился о следующей работе. Мужик, с которым ехал кузнец, отправился дальше в соседнюю деревню повидать родню. Назад он возвращался на следующий день и мог забрать Матвея обратно. Они даже договорились об этом. Но Матвею особо нечего было делать в этом селе и совестно обременять хозяйку многочисленного семейства в доме заказчика, где он остановился дожидаясь попутчика. Что-то торопило его в обратный путь.

Он вышел засветло. Где-то вдали собирались первые тучи. До Тимофеевки ходу через две деревни, а лесом и того ближе. Вечерело быстро, а тучи набежали еще быстрее и заслонили плотной завесой лунный свет.

Сначала Матвей шел лесом. Когда разразилась гроза, вышел на дорогу, чтобы не заплутать среди непогоды. Дорогу быстро размыло, вода бурными потоками стекала со склонов в низины, еще более разжижая грунт.

Дождь стеной лил с настежь распахнутых небес. Громыхла и яростно обрушивалась порывами холодного ветра и ледяными потоками воды непогода. Сквозь темную промозглую ночь в ослепительных отсветах молний, упрямо сопротивляясь сильным порывам ветра, возвращался домой одинокий путник. Его фигура взбиралась на холмы и скрывалась в низинах. Разряды молний прорывались сквозь рваные

лохматые тучи, освещали лес, тянувшийся вдоль гряды холмистой, свободной от насаждений местности. Деревья в лесу единой массойгнулись к земле под мощным натиском урагана, потом бешено рвались шапками ветвей в небо, с рыком и треском вторя раскатам грома. Путник, как одинокий призрак, высвечивался на вершине холма, а в следующее мгновение исчезал, съдаемый чернотой ночи.

Матвей вымок и продрог. Усталые ноги тащили за собой на сапогах комья налипшей глины. Мокрая одежда прилипла к телу как вторая кожа сковывая свободное движение конечностей. Дождь бил в лицо и мешал видеть путь, плохо различимый в темном пространстве. Глаза разглядели впереди большой стог сена. Где-то сбоку виднелись еще несколько стожков поменьше. Матвей обошел стог и привалился к нему, ища защиты от непогоды. Немеющими от холода руками он стал рыть сено, расширяя выемку, чтобы спрятаться от дождя.

Сквозь вой ветра, шум дождевых капель и дробь стучащих от холода зубов Матвею стало чудиться, что кто-то совсем рядом фыркает или хихикает. «Наверное показалось.» -подумал Матвей. Не успел он отогнать от себя эту странную мысль и успокоиться, как из-за соседнего стожка прямо навстречу ему выступила неясная фигура и двинулась вперед. Сознание вмиг прояснилось и Матвей весь подобрался. Еще мгновение и тоненькая фигурка в суконном плаще склони-

лась над ним и откинула с головы капюшон. Волосы рассыпались по сторонам и знакомый голос позвал его:

– Матвей. Давно здесь лежишь? Поднимайся. Есть тут местечко.

Но он оторопело глядел на девушку. Тогда она ухватила его за куртку и стала тянуть на себя, заставляя подняться с земли.

– Наталка? -не веря, пробормотал Матвей.

– А кто же еще? – задорно отвечала девушка, схватив его за руку.

Матвей выбрался из под стога, подхватил свой вещмешок и направился вместе с ней. Через пелену дождя они обогнули несколько стожков и остановились у самого высокого стога. Наталья отпустила его руку и стала разгрести ход.

– Полезай внутрь, – сказала девушка, потянула его вниз и пропустила мимо себя в открывшееся отверстие.

Матвей влез внутрь. Следом протиснулась Наталья и закрыла вход сухой охапкой сена. В полной темноте можно было ориентироваться только на ощупь. Матвей развел руки в стороны, потом вверх. Наткнувшись на колючие пучки соломы определил, что сидеть внутри вполне удобно. Опустил руки и нащупал какую-то ткань, расстеленную на земле. Удивление Матвея не проходило. Бывает же так. Кто-то приволок сюда тряпки, значит ночует иногда. Их руки столкнулись в темноте и отдернулись. Он охнул, а Наталья приглушенно рассмеялась. Он тоже хмыкнул. Наталья уже примерно определила его местоположение и, протянув руки, коснулась ими его груди. Он отпрянул назад, но уперся спиной в соломенный заслон.

– Одежду мокрую нужно снять. Заболеешь.– прошепел в темноте голос девушки. Наталья убрала руки с его груди и добавила:

– Тут одеяло большое. Можно завернуться в него.

«Вот кто здесь ночует», – мелькнула мысль в его голове. Они сидели молча. В глубине стога, заглушающего внешние звуки, было сухо и тепло. Воздух, наполненный ароматами терпких степных трав, успокаивал и одновременно будил странные неведанные чувства. И только сырость промокшей одежды неприятно холодила тело. «В конце концов она сама предложила раздеться. Глупо стесняться наготы в крошечной темноте.» -думал Матвей и понимал, что это не просто

нагота и что тут в тесноте они находятся слишком близко друг к другу.

– Хорошо. И правда, не хватает заболеть.– он не узнал собственный голос, хриплый и глухой. Снимая с себя мокрую одежду, ощутил легкие осторожные прикосновения. Поняв, что он не отстранился и принимает ее помощь, Наталья уже более уверенно стала стягивать с него рубашу через голову. Эти нежные теплые касания кружили голову: пальцы, руки, волосы, очень близкое дыхание. Запахи тела смешались с запахами трав. Но, стряхнув с него очарование минуты, девушка опрокинула его на пол и быстро завернула одеялом, подоткнув края ловкими точными движениями.

– Вот и все. Ты готов.–весело сообщила Наталья, низко склонившись над невидимым свертком. Матвей не выдержал и расхохотался, пытаясь высвободить хотя бы руку из одеяла. Наталья прилегла рядом на вторую половину одеяла вторя его смеху.

Матвей не только обсох и согрелся под низким куполом соломенного храма, он расслабился и опьянел, глубоко вдыхая сильный букет медовых ароматов. Наталья лежала притихшая так близко, что ее ровное, еле различимое дыхание теплыми волнами касалось его плеча. Чувства приятно щекотали и мутили сознание. Как приятна и необычна эта их встреча. А ведь он так и не спросил, как она оказалась вдали от дома в такую непогоду. Матвей приподнял голову и оперся на руку :

– Наталка.-позвал тихо и, услышав как она хмыкнула в ответ, продолжил, -как тебя занесло сюда в такую погоду?

– А тебя? -отозвалась девушка, перевернулась на живот и, болтая ногами, добавила куда-то в сторону от него, -последние теплые дни перед холодами. И, похоже, они закончились.

Матвей ощутил какую-то недосказанность в словах и как бы некоторое усталое разочарование в голосе. Среди спокойствия, царящего в его голове, вдруг выскользнула догадка и огромными буквами забила перед внутренним зрением. Его окатило волной жара и он резко приподнялся на руках:

– Ты же не меня встречала здесь? – все же спросил. Вопрос давно замер, он напряженно ждал ответа. И наконец ответ прозвучал:

– А если все же тебя?

Дыхание коснулось его лица и он мог бы поклясться, что различил в темноте еле заметное свечение ее глаз. Страсть пульсировала в крови и растекалась горячим желанием по венам, мышцам. Руки нашли и притянули к себе гибкое горячее тело. Ноги, руки, тела сплелись в тугий узел обоюдного желания. В темноте ночи осенняя непогода беспощадными узами пеленала и приводила к покорности остывающую землю.

Матвей проснулся, разбуженный ползущей по щеке козьявкой. Сквозь разобранный вход в теплое укрытие зыбкой

сизой дымкой пробивался свет. Свежие струи воздушных потоков охладили выпростанные из под одеяла ноги. Наталья не было рядом. Видно ушла. На Матвея накатили видения о прошедшей ночи. Жар тел, густые запахи в непроглядной тьме казались острее, чем в прохладном одиночестве утра. Страстный и волнующий, но сон. Только сон. Матвей собрал слегка подсохшую одежду и стал одеваться. Охлаждающая сырость тканей бодрила и отрезвляла от волнующих ночных грез. Матвей выбрался наружу.

Утро только пробуждалось. От гнева и безудержных рыданий непогоды не осталось и следа. Только мокрые травы и сырой воздух тающий легким волнующим туманом в проникающих сквозь ветви деревьев потоках солнечного света. Скопления тумана в низинах создавало впечатление скольжения в облаках. Проснувшиеся птицы возвещали о приходе нового дня. Матвей быстрой темной тенью спускался с холма в белое молоко тумана.

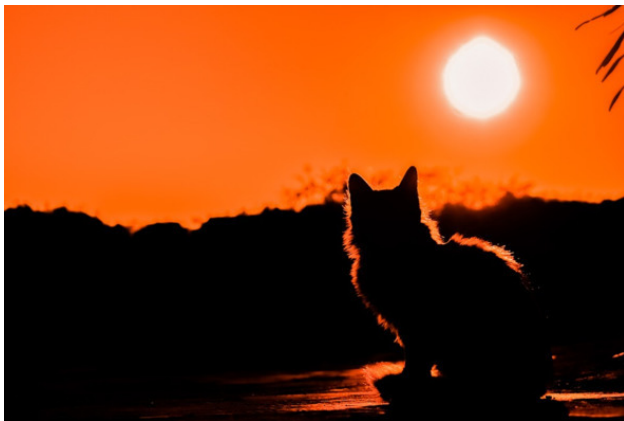
С той ночи Матвей с Натальей начали встречаться. А ближе к зиме кузнец совсем переселился в избу у леса. Отношений они не регистрировали. Наталья не настаивала, похоже даже не думала об этом. А Матвей, хотя и держал эту мысль в голове, не торопился, наслаждался теплым чарующим потоком отношений, которые влекли его все дальше, все стремительнее. Но люди, всегда и все знающие, неодобрительно качали головами: «Грех. Не по-людски.»

С первым снегом Наталье стало ясно, что она беременна. Матвей, узнав об этом, заговорил о регистрации. Но в Тимофеевке ЗАГСа не было, нужно было ехать в райцентр, а Наталья чувствовала себя плохо, ее постоянно мутило. Поездку все время откладывали. А бабы, разглядев истинное положение дел, всю заголосили: де и парня охмурила, и в грехе ребенка понесла и зверье лесное натравливает на чужие курятники. У Матвея была ладанка подаренная покойной матерью. Он ее все время носил на груди. А тут снял и Наталье отдал: какая-никакая защита для нее и ребенка. Наталья нахмурилась: разве это успокоит злые языки, но ладанку приняла и носила.

Вокруг избы по снегу стал Матвей замечать цепочку следов. То к лесу ведут, то к дому, а вокруг сарая с птицей и не видно. И не сразу то разглядел, а случайно, в выходной день заприметил. В будни уйдет в кузницу спозаранку и вернется с темнотой. Откуда тут увидишь. Спрашивал у Натальи. Отвечает, что не видела ничего, а сама взгляд прячет и ладанку в кулачке зажимает. И в избе не топлено иной раз. Говорит, что плохо чувствовала себя, вот и не вставала.

Случилось однажды из кузницы через деревню до старого Макара Болотова дойти, звал его тот по делу. На обратном пути решил больную свою навестить, раз рядом находился. Уже у ближнего к своей избе дома приметил, как к деревне, низко пригибаясь к земле, рыжая бежит. Он сросся со сте-

ной дома и, не шевелясь, следил за лисой. Когда та была уже рядом с домом, кинулся ей наперерез и застыл на месте. Лиса тоже замерла, глядя ему в глаза. Померещилось или нет, но на шее у лисы болталась ладанка, отданная им Наталье. Он опешил, а лиса, воспользовавшись этим, скрылась за угол дома. Матвей пришел в себя и кинулся к крыльцу, взбежал по нему и распахнул двери. Через сени, через кухню и следующую за ней комнату он пролетел в несколько прыжков и распахнул дверь в спальню. Наталья сидела на кровати опираясь на высокую спинку. Лицо ее было уставшее, испарина выступила капельками пота на висках и шее. И это в нетопленном доме. Мокрые пряди волос спадали на лоб и плечи. Глаза были опущены в пол, а в руках зажата ладанка.

Матвей глядел на Наталью, знал, что видел и не верил этому. Ждал, может что Наталья скажет, но та молчала. Уже убедив себя, что все ему показалось, решил оправдаться за свой столь внезапный приход, хотя она и не спрашивала. Но услышал голос уставший и надломленный:

– Матвей, – тихо позвала Наталья. – Видел?

– Видел, – хрипло признался Матвей.

– Что видел?

– Все видел, – произнес он, не понимая еще до конца, что же такое он видел: лису с ладанкой на шее и все.

Свежий морозный воздух пробежал по комнате и Наталья, которая сидела в одной сорочке, невольно вздрогнула. Ее взгляд оторвался от пола и переместился на окно, створка которого была приоткрыта. Матвей проследил за ее взглядом и почти успокоенный и стреноженный разум вновь заходил ходуном, отдавая сильными толчками в виски. Перевел взгляд на деревянные доски полов. На них расплылись лужицы талой воды.

– Что ты думаешь? – спросила его Наталья, все еще глядя на окно.

– Чертовщина? – неуверенно произнес Матвей.

Наталья вздрогнула и медленно перевела на него долгий взгляд. Потом спросила:

– Разве? Ты так думаешь? – и умоляюще искала что-то в его глазах.

– Значит правда? Ты ведьма?!

– Я? Нет. Ничего подобного. Но свой дар у меня есть: я могу превращаться в лису.

Теперь ее голос звучал с отстраненной насмешкой. Она опять передернулась и обхватила себя руками, пытаясь согреться. Этот жест вывел Матвея из оцепенения. Еще плохо осознавая эту новую реальность, он проследовал к окну и плотно закрыл его на задвижку. Подхватил сползающее на пол одеяло и закутал в него Наталью. Она переменяла позу, подобрав под себя озябшие ноги. Матвей еще не решил, что он будет делать, останется ли, но уже возился с заслонкой печи, закладывая в печь дрова, растапливал и все время оглядывался на Наталью. Как будто она способна растаять в этом сугробе из одеяла и исчезнуть навсегда. Он все делал молча, а Наталья говорила, набегая строкой на строку, с тоской смотрела на него и прятала глаза, когда он поворачивал к ней голову. Ее прорвало: боль, война, ее сестры, одиночество. История жизни сплеталась с историей о ее даре. Голос слабел или она просто сильно устала, но она притихла, привалилась к спинке кровати, пытаясь удобнее уложить голову на ее край. И это ее движение не ускользнуло от Матвея, сидевшего на корточках перед дверцей печи. Он поднялся, подошел к кровати и уложил Наталью на подушки, поправляя вокруг нее одеяло, чтобы ей не дуло.

Он сел на край кровати. Наталья следила за ним, пытаясь предугадать, как подействовали на него ее слова. Выпро-

стала из-под одеяла руку и протянула ее вперед, коснулась его шершавой руки. Он смотрел в сторону, но взял ее руку в свою, утопил ее в своей ладони, чувствуя легкую дрожь тонких пальцев. Та же нежная, теплая, прозрачная кожа. Голубые венки и золотистые крапинки веснушек. Даже зимой они есть. Матвей повернул к Наталье голову и встретился с теплым медовым плеском в усталых глазах.

– Зачем? Зачем тебе этот дар?

– Я не выбирала. Он есть. Он мне дан.

Взгляд Матвея скользнул по одеялу и застыл там, где находился живот женщины. Он не решался спросить, но услышал:

– Да, дар может передаваться и ему.

Он повернулся к Наталье. Ее взгляд тепло вещал: смиришь.

– Зачем ты бегала в лес? – уже как бы обыденно спросил Матвей.

– Мне плохо. Я искала корни и ягоды, чтобы восстановить силы. Было бы странно, если бы беременная женщина болталась по снежным сугробам. И в этом образе мои чувства острее. Я быстрее нахожу, что мне нужно и дорогу назад. Мне это необходимо. Так мы лечимся. Мы сестры лесным жителям и всегда знаем, что нам полезно. Ведь никто не лечит лису или зайца, – усмехнулась она.

– А птицу я не трогаю. Это уж другие постарались. Ко мне не лезут, так как я им все равно, что сестра. (Тут усмехнулся

Матвей.) А в другие дворы я им не могу запретить. Да и есть то им что-то надо.

В этой ситуации Матвей совсем забыл, что хотел зайти на минутку, и собрался идти на работу.

– Я скоро. Только предупрежу, что ты заболела и мигом вернусь.

Наталья кивнула. Он отпустил ее маленькую руку, поднялся с кровати и поцеловал ее в лоб так, как целует заботливая мать, пытаясь определить нет ли у ребенка лихорадки. Лоб был прохладен, а волосы высохли и завились вокруг легкими завитушками. Матвей не удержался, жадно и торопливо поцеловал ее тонкие нежные губы.

– Я быстро.

И он вышел, понимая, что примирение состоялось и он уже никогда не сможет уйти от Натальи.

Так до конца и не выяснили, отчего случился пожар. Была середина весны. Среди дня прибежал к кузнице старик Болотов, выпалил, что изба Натальи горит и рухнул на деревянный пенек отдышаться. Мужики повскакивали, кто куртки похватал, кто так как был, помчались на подмогу. Когда прибыли к дому, вокруг уже крутились соседи. Сарай к тому времени уже сгорел, только обуглившиеся остовы по краям дымились еще и три уцелевшие курицы бегали ошалело среди людей по двору. Огонь перекинулся на дом, но не сильный. Кто-то из соседей охал, кто-то подтаскивал воду и обли-

вал из ведер и тазов водой стены или бил старым куском одежды по очагам огня. Наталью уже оттащили от дома и посадили на крыльце ближайшего к ней дома Макара Болотова. Говорили, что сначала она одна билась с огнем. Как мог загореться неотопливаемый сарай- одному богу известно. Дом отводили, но требовался основательный ремонт. Собрав нехитрые пожитки с собой, Матвей с Натальей переехали к дядьке Матвею, у которого он раньше жил.

Уже к ночи Наталье стало плохо. Ее то лихорадило, то знобило. А к утру она впала в беспамятство и пролежала так три дня. За ней попеременно глядели Матвей и старая бабка- соседка. К вечеру третьего дня Наталья пришла в себя и бабка с надеждой сказала, что, кажется, болезнь отпустила. Но Наталья вцепилась в руку Матвея и просила его увести ее отсюда. То же самое она твердила и в беспамятстве. Как ни боязно было везти куда-то больную беременную женщину, оставаться в чужом доме тоже было опасно. Он думал о возможном варианте и потому пообещал Наталье, что скоро перевезет ее в другое место. Она не спрашивала куда, но успокоилась.

Матвей знал об одиноко стоящем блиндаже недалеко в лесу. Убедившись, что Наталье стало лучше, сходил на разведку, осмотрел все внутри. Комнатка оказалась маленькая и тесная с длинным узким оконцем под самым потолком, таким низким, что Матвею при его росте приходилось сгибать-

ся, чтобы не задевать его головой. Стол, лавка и нары у стены- вот и вся обстановка. Матвей перетащил из дома кое-какую посуду и вещи, а также буржуйку. Протопил блиндаж несколько раз, чтобы просохли стены и лавки. И объявил Наталье, что они могут переезжать. Договорился со Степаном насчет кобылы, запряг ее в телегу дядьки, настелил солому, а поверх нее кинул матрац, на который и уложили Наталью. В ногах у Натальи валялись связанные вокруг тела и за лапы птицы. Три выжившие в пожаре курицы. И повел он свою подводку в лес к новому жилищу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.